

А.С. ПУШКИН В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Современное звучание русской классики заключается в неисчерпаемой любви к человеку и неподдельном внимании к его внутреннему миру, в том жизнеутверждающем гуманизме, который обеспечивает бесконечно повторяющееся обновление и непрерывный творческий поиск на долгом пути к бессмертию.

Только немногим избранным «вышней волею небес» было даровано право возвестить: « *Exegi monumentum...*» («Я воздвиг памятник...»). Таким избранником- пророком в XIX веке стал Александр Сергеевич Пушкин, который лучше многих понимал своё предназначенье: *Очел! недаром жизнь и лира/ Мне были вверены судьбой!* [6, с.190]. «Небесного земной свидетель» по воле рока ближе всех подошёл к пугающей черте. *Ах! ведает мой добрый гений,/ Что предпочёл бы я скорей/ Бессмертию души моей/ Бессмертие своих творений* [6, с.155]. После того как «старик Державин» его благословил, юный поэт уже не сомневался: *Мои стихи русской умрут - / Глас сердца, чувства неизменны/ Наверно их переживут* [6, с.156]. И оказался прав. «Пушкин неопровержим и бесспорен, как, может быть, никто из писателей, - настаивает С.Залыгин. – Попробуйте опровергнуть или хотя бы подвергнуть сомнению что-либо у Пушкина: исторические факты, на которых основаны те или иные его произведения, или его суждения о литературе, или форму его стиха. Попробуйте обнаружить какое-то несоответствие или хотя бы недостаточную убедительность в созданных им образах» [4, с.30]. Напрасный труд. В его поэзии нет ничего лишнего, временного, преходящего.

Литературное наследие Пушкина, будучи исторически конкретным и целиком пронизанным духом своей эпохи, живой незримой нитью связано с прошедшим, предназначено настоящему и устремлено в грядущее. «Приходит, наконец, ясное ощущение непрерываемости культурной традиции, - делится своим впечатлением

В.Белов. – Вечная новизна античности, о которой так много был слышан, становится определенной и образной» [3, с.333].

Традиционные пушкинские темы – народ и родина, деревня и природа, память и нравственность – актуальны для писателей XX века, особенно близки и понятны представителям деревенской лирической прозы.

В своё время великий поэт очень верно сказал о преемственности поколений: *Издравле сладостный союз/ Поэтов меж собой связует:/ Они жрецы единых муз;/ Единый пламень их волнует* [6, с.186]. Современные писатели находятся в напряженных раздумьях об одном и том же: «Какая сила переборет в человеке и в обществе? Созидаящая или разрушающая? Очнутся ли, наконец, люди и когда мы в прямом смысле перекуём мечи на орала?» [3, с.344].

Ход истории неумолим. Как сказал поэт, *«настали времена другие»* [6, с.37]. Поиски ответов не ослабевали у художников в течение многих десятилетий (В.И. Белов, С.П. Залыгин, В.Г. Распутин) и до последнего часа (Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев, В. М. Шукшин).

Писатель и публицист В.Белов глубоко убежден, что мы должны сохранить для потомков духовные сокровища прошлого, которые «оставлены нашими пращурами. Оставлены на нашу совесть и сердечное бережение» [3, с.277]. Дело в том, что формируют не только эстетику, но и нравственность, во многом определяют духовное состояние общества, способствуют тому, что «так или иначе жажда прекрасного в человеке не останется неутоленной» [3, с.345].

Эту мысль с мудрым совершенством выразил Пушкин в своих стихах: *Два чувства дивно близки нам,/ В них обретает сердце пищу:/Любовь к родному пепелищу,/ Любовь к отеческим гробам./Животворящая пустыня!* [6, с.74]. Невозможно более полно выразить смысл поэтического завета, в котором заключены вековечные связи сущего, благодарная память человеческая, святая душа народная. Поэтому С.Залыгин не скрывает своего восторга: «В конце концов, как гений художественный Пушкин мог свершить все то, что он свершил, обладая безусловной гармонией между словом и смыслом» [4, с.34].

Удивительные художественные достижения литератора, мыслителя, поэта успешно выдержали испытание временем, до сих пор сохраняют свое непреходящее значение. «Сейчас нам покажутся неуклюжими и тяжеловесными стихи того далекого времени, пока гений Пушкина, Крылова и Грибоедова не образовал ещё совершенных форм русской поэтической речи, не придал им волшебную музыкальность и гибкость на основе несметных интонационных и смысловых богатств нашего языка...», - вполне справедливо замечает В.Чивилихин [7, с.169]. Трудно с ним не согласиться, потому что рождению классического стиха предшествовали мучительные поиски гармонии формы и содержания.

Каждое новое поколение оценивает опыт прошлого по-своему, плодотворно развивая традиции, чем-то новым обогащает искусство, вырабатывает свой неповторимый стиль. На это обращает внимание В.Кожевников: «Посмотрите, сколь несхожи между собой в стилеаом плне классики: Гоголь с его бесконечно широкой гаммой художественных интонаций – от фантасмагории, условности до эпики и быта; прозрачно чистая, лаконичная проза Пушкина; романтическая рефлексия и психологизм лермонтовских произведений...»[5, с.166].

Необычайно широкий диапазон и уникальность творческого метода Пушкина вызывает восхищение последователей и заставляет литераторов позднейшего времени подтягиваться до его уровня. «Другое дело, что и в нынешнюю пору в спорах различных направлений между собой они могут обращаться к Пушкину, как третейскому судье, как к авторитету бесспорному, как к Поэзии», - советует С.Залыгин, собравший свои суждения о признанном мастере слова под общим названием «Я числюсь по России» [4, с.32].

О созидательной силе подлинного искусства рассуждает В. Белов, уверенный в том, что «хорошо развитое чувство прекрасного подразумевает обычно и высокую нравственность» [3, с.327]. Он особенно высоко оценивает вклад Пушкина в развитие литературного языка, неоднократно ссылается на авторитетное имя, когда ведет полемический спор об отношении к современному

литературному процессу непривычных слов, относящихся к просторечию и бытующих в разговорной среде. Главное, по Пушкину, состоит «в чувстве соразмерности и сообразности» [3, с.308]. К своему удивлению, В.Белов осознает универсализм поэзии классика: « У Пушкина есть стихи буквально на все случаи жизни» [3, с.59]. Далее автор документальной повести «Раздумья на родине» с сожалением констатирует: «Лишь в зрелые годы приходит осознанное восприятие родного, ничем не заменимого пушкинского слова» [3, с.59].

О сильном влиянии и значении пушкинского слова эмоционально высказался В.Шукшин: «Самые великие слова в русской поэзии: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!». Неспроста они запали в душу чуткого и ранимого поборника правды и справедливости, который, как и Пушкин, доказывал свою правоту *«словами истины, свободными, простыми»*. Они созвучны творческому кредо писателя [8, с.209].

В. Астафьев очень строг в оценке писательского дарования: «Такие титаны нашей литературы, как Пушкин, Толстой, Достоевский, жизни свои положили на решение общечеловеческих вопросов и помогли обществу в самопознании, в осмыслении мира...»[2, с.11]. Тематически поэзия Пушкина близка В. Астафьеву тем, что точно передает непосредственное восприятие окружающей среды, улавливает тончайшие нюансы взаимоотношений человека и природы, воспекает красоту природного мира. Эталоном мастерства для Астафьева является разящая сила пушкинского слова и афористичность, отточенность каждой фразы. Он безапелляционно заявляет, что « поэзия, настоящая поэзия, существует для того, чтоб «глаголом жечь сердца людей», волновать их, тревожить, возбуждать потребность мыслить и совершенствоваться» [2, с.188].

Эта позиция импонирует Ф.Абрамову – вдумчивому ценителю и искреннему поклоннику А.С.Пушкина. Свои художественно-публицистические миниатюры о поэте он объединил под сакраментальным названием «Пушкин – отец наших душ».Так он выразил свое благоговение перед гением, роль которого в жизни последующих поколений неуклонно возрастала, потому что ведома была

гармонией и силой духа: « Пушкин – школа высшего художественного слова. Ясность, краткость и простота. У Пушкина учились все: Толстой, Чехов, Тургенев» [1, с.434]. В блистательной плеяде самых выдающихся писателей Пушкину Абрамов отводит особое место, подробно перечисляя все заслуги национального гения, подчеркивая, что «ему было суждено стать той духовной основой, которая объединяет народы» [1, с.435]. Высота его духовного взлёта ни с чем не соизмерима: « Ни один поэт, ни один писатель в русской литературе не имел, да и не имеет такого влияния на нравственное формирование человека» [1, с.438]. Он стал прекрасным зодчим русского искусства и не боялся забвения: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный,/ К нему не зарастет народная тропа...* [6, с.341]. В это верили современники, в этом убедились потомки. Ф.Абрамов поделился таким наблюдением: «Москва для меня, приезжающего из провинции, - это дела, издательства, беготня, театры, встречи... Каждый раз новые... Но каждый раз – это Пушкин. Всегда, в любую погоду... И всегда цветы. Не казенные...

Великий памятник. Россия и Пушкин. И так случилось, что вся история – это прежде всего Пушкин и Россия.

Ушли многие-многие таланты. А Пушкин...тут. У истоков» [1, с.435].

Счастлив удел человека, которому довелось прикоснуться к таким истокам.

Литература

1. Абрамов, Ф.А. Слово в ядерный век/ Ф.А.Абрамов. – М., 1987.- 447с.
2. Астафьев, В.П. Всему свой час/ В.П.Астафьев. – М., 1985. – 254с.
3. Белов, В.И. Раздумья на родине: Очерки и статьи./ В.И.Белов.- М., 1989.- 352с.
4. Залыгин, С.П. Собеседования/ С.П.Залыгин. – М., 1982. – 287с.
5. Кожевников, В.М. Уменье побеждать/ В.М.Кожевников. – М., 1987. – 207с.
6. Пушкин, А.С. Лирика/ А.С.Пушкин. – М., 1980. – 560с.
7. Чивилихин, В.А. Жить главным/ В.А.Чивилихин. – М., 1986. – 256с.
8. Шукшин, В.М. Вопросы к самому себе/ В.М.Шукшин. – М., 1981. – 256с.